

ДЖЕРОМ К.

ДЖЕРОМ

*ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ
КОЛЕСАХ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джером Джером

Трое на четырех колесах

«Издательство АСТ»

1900

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джером Д. К.

Трое на четырех колесах / Д. К. Джером — «Издательство АСТ»,
1900 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-150265-2

Продолжение забавных приключений хорошо известных и любимых читателями всего мира по роману «Трое в лодке, не считая собаки» неразлучных друзей Джея, Джорджа и Гарриса. Прошли годы, они повзрослели и остепенились — но не сказать, чтоб особенно помудрели. И вновь вскружил головы трем викторианским джентльменам ветер странствий, и они, поддавшись модному увлечению путешествиями на велосипедах, отправились на континент — в странствие по Германии. Навстречу уморительным и необыкновенным приключениям, которые поможет пережить разве что истинно британское сочетание чувства собственного достоинства и остроумного юмора!

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-150265-2

© Джером Д. К., 1900
© Издательство АСТ, 1900

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джером Клапка Джером Трое на четырех колесах

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *А. Ливерганта*

© Перевод. А. Ливергант, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава I

Главное – сменить обстановку. – История, которая служит наглядным примером того, чем чревата хитрость. – Малодушие Джорджа. – У Гарриса возникают идеи. – Повесть о старом моряке и недотепе яхтсмене. – Душевные парни. – Чем опасен ветер с берега. – И с моря. – Назойливость Этельберты. – Речная сырость. – Гаррис ратует за велопробег. – Джордж думает о ветре. – Гаррис за Шварцвальд. – Размышление Джорджа о горах. – План горных вершин. – Вмешательство миссис Гаррис.

– Сейчас главное – сменить обстановку, – заявил Гаррис.

Тут распахнулась дверь, и на пороге появилась миссис Гаррис; ее послала Этельберта, чтобы я не забыл: дома остался Кларенс. Этельберта вечно расстраивается по пустякам – ничего особенного с нашим ребенком не произошло. Просто утром они с тетей вышли погулять, а когда Кларенс останавливался у кондитерской и начинал со свойственным детям любопытством разглядывать выставленный на витрине товар, она немедленно тащила его к прилавку и угощала пирожными и ромовыми бабами; кончилось тем, что ему это надоело, и он вежливо, но решительно заявил, что сыт сладостями по горло. За завтраком Кларенс, как и следовало ожидать, ограничился только одной порцией пудинга, однако Этельберта решила, что мальчик заболел. От себя же миссис Гаррис добавила, что если мы не поспешим в гостиную, то рискуем лишиться себя удовольствия услышать, как Мюриэль будет в лицах изображать «Сумасшедшее чаепитие» из «Алисы в стране чудес». Мюриэль – младшая дочка Гарриса; ей восемь лет, но развита она не по годам. Скажу по секрету, что столь значительное произведение искусства, как «Алиса», я предпочитаю изучать по первоисточнику. Мы сказали, что выкурим по последней и придем, и попросили без нас не начинать. Миссис Гаррис обещала, насколько это возможно, обуздать творческий порыв своего чада и исчезла. Как только дверь за ней закрылась, Гаррис развил свою мысль:

– Я, разумеется, имею в виду полную смену обстановки.

Весь вопрос заключался в том, как этого добиться.

Джордж предложил «деловую поездку». Это вполне в духе Джорджа. Он холостяк и даже не подозревает, что обвести замужнюю женщину вокруг пальца не так уж и просто. У меня был один знакомый, юный инженер, который как-то решил съездить в Вену «по делам компании». Когда же его жена поинтересовалась, что за «дела» у компании в Вене, он объяснил, что должен ознакомиться с шахтами в окрестностях австрийской столицы и представить фирме подробный отчет. Тогда жена заявила, что поедет с ним, – бывают ведь и такие жены. Муж попытался было ее отговорить: шахты, дескать, не самое подходящее место для хорошенькой женщины, – однако супруга возразила, что и без него это прекрасно понимает и ползать по штрекам и забоям вовсе не собирается. Утром она проводит его на службу, а сама отправится по магазинам. Придумывать другой предлог было уже поздно, и отделаться от жены инженеру так и не удалось. В результате десять долгих летних дней он просидел под землей в предместьях Вены, а вечерами строчил отчеты, которые супруга собственноручно носила на почту и которые вызывали полное недоумение у его лондонского начальства.

Я, разумеется, не допускаю и мысли, что Этельберта или миссис Гаррис могут принадлежать к женам этой категории, но все же «деловой поездкой» злоупотреблять не следует, лучше такую «поездку» приберечь на крайний случай.

– Нет, – сказал я. – Не будем кривить душой. Этельберте я скажу, что мы, мужчины, не ценим своего семейного счастья, и поэтому, чтобы по-настоящему понять, что это такое – а мне просто необходимо это понять, – я решил вырваться из семьи по крайней мере на три

недели. Я скажу ей, – с этими словами я повернулся к Гаррису, – что это ты указал мне на мой супружеский долг и что, если бы не ты...

Гаррис с некоторой поспешностью опустил свой стакан.

– Послушай, старина, – перебил он, – прошу тебя, не делай этого. Твоя жена передаст моей жене, и... э-э-э... будет как-то неловко выслушивать комплименты, которых я не заслужил.

– Заслужил, заслужил, – успокоил его я, – ты же первый предложил нам немного развеяться.

– Да, но идея-то твоя, – не дал договорить мне Гаррис. – Кто, как не ты, сказал, что, погружаясь в унылое однообразие повседневности, мы совершаем непростительную ошибку и что домашний уют разжижает мозги? Ты ведь?

– Я не имел в виду никого конкретно, – пояснил я.

– А по-моему, ты имел в виду именно нас, – возразил Гаррис. – Я уж было подумал, не обсудить ли эту мысль с Кларой – естественно, сославшись на тебя; она ведь считает тебя очень умным. Уверен, что...

– Лучше не рисковать, – в свою очередь перебил его я. – Дело это тонкое, но выход есть. Давайте скажем, что все придумал Джордж.

Я бы не сказал, что Джордж принадлежит к тем людям, кто не раздумывая протягивает руку помощи ближнему. Вы, наверное, решили, что он пришел на выручку двум старинным друзьям? Ничуть не бывало.

– Дело ваше, – сказал Джордж, – но я, со своей стороны, им напомню: с самого начала я ратовал за семейный отдых; вы берете детей, я беру тетю, и мы снимаем какой-нибудь старинный шато¹ в Нормандии, на морском берегу, – климат там на редкость благотворно действует на неокрепший детский организм, а молоко такое, какого в Англии ни за какие деньги не сыщешь. Напомню я также и о том, что вы с негодованием отвергли мое предложение, уверяя, что одним нам будет гораздо веселее.

Люди вроде Джорджа добрых слов не понимают. С ними не стоит церемониться.

– Хорошо, – сказал Гаррис. – Твое предложение принимается. Снимаем шато. Ты привозишь тетю – попробуй только не привези! – и мы живем в Нормандии целый месяц. Дети тебя обожают – мы с Джеем для них просто не существуем. Эдгару ты обещал научить его ловить рыбу; охотиться на львов тоже будешь с ними ты! Дик с Мюриэль всю неделю вспоминали, как в воскресенье ты изображал гиппопотама. Днем будем устраивать пикник в лесу – нас всего-то одиннадцать человек, – а по вечерам – музицирование и декламации. Мюриэль – ты уже, наверное, в курсе – разучила с полдюжины стихов, да и другие дети от нее не отстают.

Джордж сдался – истинной смелостью он никогда не отличался, – однако признать себя побежденным согласился не сразу. Он заявил, что это удар ниже пояса, и что раз уж мы такие подлые, лживые и коварные, то он умывает руки, и что если я не собираюсь в одиночку осушить всю бутылку кларета, то он покорнейше просит налить и ему стаканчик. И тут же добавил – непонятно, с какой стати, – что все это не имеет никакого значения, ибо и Этельберта, и миссис Гаррис – с их-то умом и проницательностью – высоко ценят его и нам ни за что не удастся убедить их, что это он внес такое идиотское предложение.

Покончив с Джорджем, мы перешли к вопросу о том, каким образом сменить привычную обстановку.

Гаррис, по своему обыкновению, ратовал за море. Он сказал, что есть у него на примете одна яхта, именно то, что нужно: она легка в управлении, и можно будет обойтись без лодырей, которые только и знают, что торчат на палубе да деньги клянчить. Какая уж там романтика! А тут, при наличии толкового юнга, Гаррис сам бы повел судно. К несчастью, мы эту яхту знали

¹ От фр. «chateau» – замок, вилла.

(о чем ему и напомнили). Как-то раз Гаррису удалось заманить нас на нее. Яхта пахла затхлой водой и водорослями, и с этим букетом обычному морскому воздуху трудно было тягаться – ощущение возникало такое, будто принимаешь грязевые ванны. Спрятаться от дождя было негде: кают-компания – десять футов на четыре, причем половину площади занимала плита, которая при попытке подбросить угля мгновенно разваливалась на куски. Ванну пришлось бы принимать прямо на палубе, и стоило вылезти из лохани, как ветер тут же сдувал полотенце за борт. Всю интересную работу взяли на себя Гаррис и юнга: бросали лаг, ставили рифы, отдавали швартовы, вставали к повороту, – на нашу же долю выпало чистить картошку и драить палубу.

– Что ж, дело ваше, – сказал Гаррис, – давайте тогда найдем настоящую яхту – со шкипером, командой и всем, что полагается.

Но и эта идея пришлась мне не по душе. Знаем мы этого шкипера: в его представлении отправиться на морскую прогулку – значит лечь в дрейф, как они выражаются, «в виду берега», причем того, где остались его жена, дети и, главное, любимая пивная, разлучаться с которой он не собирается.

Мне и самому довелось брать напрокат яхту. Было это давным-давно, на заре нашей супружеской жизни. Стечение трех роковых обстоятельств заставило меня совершить эту глупость: неожиданно-негаданно я получил кучу денег; Этельберта стала жаловаться, что соскучилась по морскому воздуху; в то злополучное утро совершенно случайно, читая в клубе свежий номер «Спортсмена», я наткнулся на объявление:

«Для любителей парусного спорта. Уникальная возможность. «Гончая», 28-тонный ял. В связи со срочным отъездом сдается на любой срок быстроходная яхта с великолепной оснасткой. Две каюты и салон; пианино фирмы «Воффенкопф»; новое прачечное оборудование. Условия: 10 гиней в неделю. Обращаться по адресу: «Пертви и К^о д. За, Баклерсбери».

Все складывалось как нельзя лучше. «Новое прачечное оборудование» меня мало волновало: со стиркой можно было не торопиться, – но вот «пианино фирмы «Воффенкопф» выглядело весьма заманчиво. Я представил себе летний вечер, уютный салон, Этельберту, сидящую за инструментом; вот она берет первые аккорды – и тут вступает слаженный хор матросов, – а яхта наша мчится на всех парусах в родной порт.

Я сел в кеб и поехал прямо в Баклерсбери, д. За. В мистере Пертви не было ничего примечательного, да и контора была скромной и помещалась на четвертом этаже. Мистер Пертви продемонстрировал мне цветную акварель, на которой была изображена «Гончая», обгоняющая ветер. Палуба вздымалась под углом девяносто пять градусов. Людей на палубе не было, они, наверное, попадали за борт. И действительно, трудно было понять, как матросы могли держаться на ногах, не приколотив себя предварительно к доскам пола.

Я поделился своими соображениями на этот счет с хозяином конторы, но тот объяснил мне, что на картине показано, как «Гончая» обходит кого-то на повороте, – факт, как известно, имевший место на гонках в Медуэе. Мистер Пертви был настолько уверен в том, что все подробности регаты мне досконально известны, что вопросы я задавать постеснялся. Два цветных пятнышка у рамки, которые я по наивности принял за бабочек, оказались при ближайшем рассмотрении вторым и третьим призерами этих знаменитых гонок. Фотография яхты, стоящей на якоре близ Грейвзенда, производила не столь внушительное впечатление, зато яхта на ней выглядела более устойчивой. Получив ответы на все свои вопросы, я нанял яхту на две недели, что вполне устраивало мистера Пертви (и, как впоследствии выяснилось, меня тоже). Потребуйся мне яхта не на две, а на три недели, мистери Пертви пришлось бы мне отказать – на этот срок яхта была уже обещана.

Когда мы договорились об условиях, мистер Пертви поинтересовался, нет ли у меня на примете шкипера. Я сказал, что нет, и оказалось, что мне опять страшно повезло (похоже, счастье само шло мне в тот день в руки): мистер Пертви был уверен, что лучшего шкипера, чем м-р Гойлз, мне не найти. «Это отличный моряк, – заверил меня мистер Пертви, – море знает, как собственную жену, и бережет пассажиров как зеницу ока».

Было еще не поздно, а яхта стояла в Харидже. Я сел на поезд «десять сорок пять» и уже в час стоял на борту яхты, беседуя с м-ром Гойлзом. В облике этого толстяка сквозила отеческая заботливость. Я рассказал ему о своих планах: мы минуем Голландские острова и идем в Норвегию, – на что он ответил: «Есть, сэр!» – и, как мне показалось, с энтузиазмом воспринял мое предложение; больше того, он сказал, что такое плавание придется и ему по душе. При решении продовольственной проблемы энтузиазм его вспыхнул с новой силой. Количество продуктов, предложенное м-ром Гойлзом, меня, признаться, несколько смутило. Живи мы во времена Дрейка и Испанской армады, и я бы заподозрил, что на корабле затевается бунт. Но его добродушный смех рассеял мои опасения. Лишнего, заверил он меня, не будет; если что и останется, парни поделят это между собой и возьмут домой – есть, кажется, такой морской закон. Мне показалось, что «лишнего» с избытком хватит команде на всю зиму, но, не желая показаться скаредным, я промолчал. Количество спиртного потрясло меня в неменьшей степени. Сначала я прикинул, сколько нам потребуется самим, и назвал довольно скромную цифру, а затем м-р Гойлз выступил от имени команды. К чести его замечу, что о своих людях он заботился как о собственных детях.

– Пьянства, мистер Гойлз, я не потерплю, – сказал я.

– Пьянства? – удивился м-р Гойлз. – Да разве ж это пьянство, сэр, если моряк плеснет себе в чай самую малость рому?

Он объяснил, что его девиз: «Набери хорошую команду и обращайся с людьми по-людски».

– Они будут лучше работать, – сказал м-р Гойлз, – и они к вам вернутся.

По правде сказать, мне не очень хотелось, чтобы они возвращались. Больше того, я возненавидел их заочно: они рисовались мне обжорами и пьяницами. Но м-р Гойлз говорил так убедительно, а я был так неопытен, что уступил и тут. Гойлз же заверил меня, что лично проследит, чтобы по «этой статье» остатков не оказалось.

Набор команды я также возложил на м-ра Гойлза.

– Пара матросов и юнга, заявил он, – больше нам не понадобится.

Если речь шла об уничтожении запасов еды и спиртного, то, по-моему, он несколько преувеличивал возможности одного человека, но, быть может, трое – оптимальное число для управления яхтой.

По пути домой я забежал к портному и заказал спортивный костюм, который мне пообещали сшить срочно, а также белую шляпу, после чего поехал к Этельберте и сообщил ей новости. Восторг ее был беспределен, и волновало ее только одно: успеет ли портниха сшить ей новое платье. Ох уж эти женщины!

Мы совсем недавно вернулись из свадебного путешествия, но оно было непродолжительным, и мы решили провести время на яхте вдвоем. И слава богу, что так решили!

В понедельник мы выехали. Туалеты были готовы в срок. Не помню, в чем была Этельберта, но выглядела она превосходно. На мне же был эффектный темно-синий костюм, отороченный узким белым кантом.

М-р Гойлз встретил нас на палубе и отрапортовал, что обед готов. Должен заметить, что с обязанностями кока он справлялся великолепно. Оценить по достоинству сноровку других членов команды мне так и не удалось – в деле я их не видел, – но теперь, задним числом, я должен заявить, что ребята мне попались лихие.

План мой был таков: как только команда пообедала, мы поднимаем якорь; я закуриваю сигару, мы с Этельбертой облакачиваемся о фальшборт и смотрим, как белые скалы отчизны тают на горизонте. Свою часть программы мы с Этельбертой выполнили и стали ждать. Поднять якорь, однако, никто не спешил.

– Что-то они долго копаются, – заметила Этельберта.

– За четырнадцать дней, – сказал я, – им предстоит прикончить хотя бы половину всех припасов. Естественно, обед у них затянулся. Но лучше их не торопить, а то они не осият и четверти.

– Скорее всего они пошли спать, – предположила Этельберта немного погодя. – Уже пора пить чай.

Они определенно не спешили. Я прошел на ют и позвал м-ра Гойлза. Звать пришлось трижды, и лишь после этого он чинно поднялся на палубу. За то время, что мы не виделись, он как-то постарел и обрюзг. В зубах он сжимал окурочек сигары.

– Доложите, когда вы будете готовы, капитан Гойлз, – процедил я. – Мы выходим в море.

Капитан Гойлз вынул изо рта окурочек:

– Простите, сэръ, но сегодня ничего не выйдет.

– Почему? Чем вас не устраивает сегодняшний день? Как известно, моряки – народ суеверный, а понедельник – день тяжелый.

– День как день, сэръ, – ответил капитан Гойлз, – только вот ветер мне что-то не нравится.

Не похоже, что он переменится.

– А по-моему, ветер дует как раз туда, куда нам надо.

– Вот-вот, – сказал капитан Гойлз. – Это вы правильно выразились: «куда нам надо». Все мы там будем, но спешить не стоит. А если мы выйдем в море при таком ветре, то очень скоро там и окажемся. Понимаете, сэръ, – пояснил он, заметив мое недоумение, – это, по-нашему, береговой ветер, то есть дует он вроде как с берега.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что Гойлз прав: ветер и в самом деле дул с берега.

– Может, к утру он и переменится, – утешил меня капитан Гойлз. – В любом случае ветер не такой уж сильный, да и якорь у нас крепкий.

Капитан вставил окурочек на прежнее место, а я вернулся к Этельберте и объяснил ей, почему мы стоим. Восторг Этельберты за то время, что мы пробыли на борту, несколько поостыл, и она поинтересовалась, что мешает нам выйти в море при ветре с берега.

– Если ветер дует с берега, то он будет гнать яхту в море, – недоумевала Этельберта. – Если же ветер будет дуть с моря, то отгонит нас к берегу. По-моему, дует как раз тот ветер, какой нужен.

– Ты ничего не понимаешь, дорогая моя, – стал объяснять я. – На первый взгляд это тот ветер, а на самом деле – не тот. Это, по-нашему, по-морскому, – береговой ветер, а ничего опаснее берегового ветра нет.

Этельберте захотелось узнать, чем опасен береговой ветер.

Ее занудство начинало действовать мне на нервы. Кажется, я даже повысил голос – однообразное покачивание стоящей на приколе яхты любого доведет до белого каления.

– Долго рассказывать, – ответил я (мне и жизни бы не хватило – я и сам ничего не понимал), – но пускаться в плавание, когда дует такой ветер, – верх беспечности, а я слишком тебя люблю, чтобы подвергать твою жизнь бессмысленному риску.

По-моему, я довольно ловко вывернулся, но, прекратив допрос, Этельберта заявила, что в этом случае до завтрашнего дня на палубе делать нечего, и мы спустились в каюту.

Я поднялся ни свет ни заря; ветер дул теперь с севера, на что я и обратил внимание капитана Гойлза.

– Вот-вот, – сокрушенно сказал он. – В том-то и беда, тут уж ничего не поделаешь.

– Значит, по-вашему, сегодня нам выйти опять не удастся? – вскипел я.

Но капитан не обиделся и со смехом сказал:

– Это вы зря, сэр! Коли вам надо в Ипсвич, то ветерок что надо, но мы же идем к Голландии. Тут уж ничего не попишешь.

Я довел эту скорбную весть до сведения Этельберты, и мы решили провести день на берегу. Нельзя сказать, чтобы днем в Харидже жизнь была ключом, вечером же там и вовсе скучно. Мы перекусили в ресторане и вернулись в бухту, где битый час прождали капитана Гойлза, который (в отличие от нас) был очень оживлен, и я грешным делом подумал, что он попросту пьян, однако капитан заверил нас, что спиртного на дух не переносит, разве что стаканчик горячего грога на сон грядущий.

За ночь ветер переменился, что вызвало новые опасения капитана Гойлза: оказывается, мы одинаково рискуем и стоя на якоре, и пытаясь выйти в море; остается лишь уповать, что в ближайшее время ветер переменится в очередной раз. Этельберта явно невзлюбила яхту; она сказала, что с куда большим удовольствием провела бы неделю в купальной кабинке на колесах – ту по крайней мере не болтает.

В Харидже мы провели весь следующий день, всю следующую ночь и еще один день: ветер, как назло, не менялся. Ночевали мы в «Королевской голове». В пятницу неожиданно-негаданно задул восточный ветер. Я пошел в гавань, разыскал капитана Гойлза и предложил ему воспользоваться благоприятно сложившимися обстоятельствами и немедленно подымать якорь и ставить паруса. Похоже, моя настойчивость его рассердила.

– Сразу видно, сэр, что в нашем деле вы не мастак, – сказал он. – Как тут поставишь паруса? Ветер же дует прямо с моря.

– Капитан Гойлз, – не выдержал я, – признавайтесь, что за посудину я нанял – яхту или плавучий дом?

Мой вопрос его несколько озадачил.

– Это ял, сэр.

– Может ли эта лохань ходить под парусом или она поставлена здесь на вечную стоянку? – уточнил я. – Если она стоит на приколе, то так и говорите. Мы разведем в ящиках плющ, посадим на палубе цветы, натянем для уюта тент. Если же яхта способна передвигаться...

– «Передвигаться»! – взорвался капитан Гойлз. – Да дайте мне нужный ветер, и «Гончая»...

– А какой вам нужен ветер?

Капитан Гойлз почесал в затылке.

– На этой неделе, – продолжал я, – дул и норд, и зюйд, и вест. Если же имеется еще какой-нибудь ветер, то не стесняйтесь, говорите – я готов ждать. Если же такового в природе нет и якорь наш еще не прирос ко дну, то давайте сегодня же его поднимем и посмотрим, чем это кончится.

Тут он наконец понял, что на этот раз я настроен серьезно.

– Есть, сэр! – сказал он. – Дело хозяйское, мне что скажут, то я и делаю. У меня, слава богу, только один несовершеннолетний сын. Надеюсь, ваши наследники не забудут бедную вдову.

Его похоронная торжественность свое дело сделала.

– Мистер Гойлз, – взмолился я, – скажите начистоту: могу ли я надеяться, что наступит такая погода, когда мы сможем выбраться из этой дыры?

Капитан Гойлз вновь повеселел.

– Видите ли, сэр, – сказал он, – этот берег особенный. Если нам удастся выйти в море, все пойдет как по маслу, но отчалить в такой скорлупке, как наша, – работенка не из легких.

Я расстался с капитаном Гойлзом, взяв с него слово следить за погодой, как мать за спящим младенцем; метафора эта, принадлежащая лично ему, меня растрогала. В двенадцать

часов я увидел капитана еще раз – он занимался метеорологическими изысканиями, выглядывая из окна трактира «Якоря и цепи».

Но в пять вечера того же дня мне неожиданно-негаданно улыбнулась удача: я повстречал двух приятелей-яхтсменов; у них вышел из строя руль, и пришлось зайти в Харидж. Моя печальная история их не столько удивила, сколько позабавила.

Между тем капитан Гойлз и команда все еще вели наблюдение за погодой. Я помчался в «Королевскую голову» за Этельбертой. Вчетвером мы прокрались в гавань, где стояла наша посудина. На борту, кроме юнги, никого не было; мои приятели встали по местам, и в шесть часов вечера мы уже весело мчались вдоль берега.

Переночевали мы в Олдборо, а на следующий день были уже в Ярмуте, где я принял решение бросить яхту, ибо мои приятели яхтсмены не могли меня дальше сопровождать. Ранним утром на пляже мы пустили с молотка всю провизию. Я понес немалые убытки, утешаясь мыслью, что удалось насолить капитану Гойлзу. «Гончую» я оставил на попечение какого-то местного морехода, который взялся за пару соверенов доставить ее в Харидж. Не спорю: быть может, далеко не все яхты такие, как «Гончая»; быть может, встречаются шкиперы и непохожие на мистера Гойлза, – однако печальный опыт плавания под парусами вызвал у меня стойкое отвращение как к первым, так и к последним.

Джордж также считал, что с яхтами хлопот не оберешься, и предложение Гарриса не прошло.

– А что, если спуститься по Темзе? – не унимался Гаррис. – Когда-то ведь мы недурно провели на реке время.

Джордж продолжал молча курить сигару, а я – колоть орехи.

– Темза уже не та, – сказал я, – уж не знаю, в чем дело, но появилась какая-то сырость, отчего у меня всякий раз начинается радикулит.

– Вот-вот, и со мной тоже творится что-то неладное, – подхватил Джордж. – Не могу спать у реки, хоть убей. Весной я целую неделю жил у Джо, и каждое утро просыпался в семь, ни минутой позже.

– Что ж, настаивать не буду, – сдался Гаррис. – Мне, по правде сказать, река тоже не показана – разыгрывается подагра.

– Лично мне полезен горный воздух, – сказал я. – Не отправиться ли нам в Шотландию?

– В Шотландии сыро, – возразил Джордж. – В позапрошлом году я был в Шотландии три недели, и три недели не просыхал... не в том смысле, конечно.

– Хорошо бы съездить в Швейцарию, – внес свою лепту Гаррис.

– И не мечтай. Одних нас в Швейцарию все равно не отпустят, – сказал я. – Вы же помните, чем все кончилось в прошлый раз? Нам нужно подыскать такие условия, в которых чахнут нежные женские и детские организмы, найти такую страну, где дороги плохи, а гостиницы отвратительны, где нет никаких удобств и нужно постоянно преодолевать трудности. Возможно, придется и поголодать...

– Полегче на поворотах! – закричал Джордж. – Не забывайте, я ведь тоже еду.

– У меня идея! – воскликнул Гаррис. – Велопробег! Путешествие на велосипедах!

Судя по выражению лица Джорджа, идея эта особого энтузиазма у него не вызвала.

– Когда едешь на велосипеде, дорога всегда почему-то идет в гору, – заметил он. – И ветер дует в лицо.

– Но бывают ведь и спуски, и попутный ветер, – сказал Гаррис.

– Что-то я этого не замечал, – процедил Джордж.

– Нет ничего лучше велосипеда, – убеждал нас Гаррис, и я готов был с ним согласиться.

– И знаете, куда мы отправимся? – продолжал он. – В Шварцвальд!

– Но это же сплошной подъем! – воскликнул Джордж.

– Не скажи, – возразил Гаррис, – иногда бывают и спуски. И потом... – Он опасливо огляделся и перешел на шепот: – В горах проложена специальная такая дорога, вроде железной, а по ней ходят вагончики с зубчатыми колесиками...

Тут отворилась дверь, и появилась миссис Гаррис, которая сообщила, что Этельберта уже надевает шляпку, а Мюриэль, так нас и не дождавшись, продекламировала публике «Сумасшедшее чаепитие».

– В клубе, завтра, в четыре, – прошипел мне на ухо Гаррис, и я передал эту информацию Джорджу, пока мы поднимались вверх.

Глава II

Щепетильный вопрос. – Что могла бы сказать Этельберта. – Что она сказала. – Что сказала миссис Гarris. – Что мы сказали Джорджу. – Отъезд в среду. – Джордж расширяет наш кругозор. – Наши с Гarrisом сомнения. – Кто в тандеме работает больше? – Мнение сидящего спереди. – Точка зрения сидящего сзади. – Как Гarris жену потерял. – Проблема багажа. – Мудрость покойного дядюшки Поджера. – Начало истории человека с сумкой.

С Этельбертой я решил объясниться в тот же вечер. Для начала, придумал я, сделаю вид, что мне нездоровится. Этельберта это заметит, и я объясню все переутомлением. Затем переведу разговор на состояние моего здоровья в целом и, таким образом, подчеркну необходимость принять энергичные и безотлагательные меры. Я даже не исключал возможность того, что Этельберта при создавшихся обстоятельствах сама предложит мне съездить куда-нибудь. Я представил себе, как она скажет: «Нет, дорогой, тебе просто необходимо развеяться, поменять обстановку. Не спорь со мной, ты должен уехать куда-нибудь хотя бы на месяц. Нет, и не проси, я с тобой не поеду. Тебе нужно мужское общество. Попробуй уговорить Джорджа и Гarrisа. Поверь, при твоей работе отдых просто необходим. Постарайся на время забыть, что детям нужны уроки музыки, новая обувь, велосипеды, настойка ревеня три раза в день. Постарайся не думать, что на свете есть кухарки, обойщики, соседские собаки и счет от мясника. Не перевелась еще потаенные утолки, где все ново и неведомо, где твой утомленный мозг обретет покой, где тебя посетят оригинальные мысли. Поезжай, а я за это время успею соскучиться и по достоинству оценю твою доброту и преданность, а то ведь я начинаю забывать о твоих положительных качествах: человек, привыкая, перестает замечать сияние солнца и холодный блеск луны. Поезжай и возвращайся отдохнувшим душой и телом. Возвращайся еще более добрым, еще более умным».

Но даже если наши желания и сбываются, то совсем не так, как мы задумали. С самого начала все пошло наперекосяк: Этельберта не заметила, что мне нездоровится, и пришлось самому обратить на это ее внимание.

– Извини, дорогая, мне что-то не по себе.

– Серьезно? А я ничего не заметила. Что с тобой?

– Сам не знаю, – ответил я. – Это уже не первый день.

– Все из-за виски, – решила Этельберта. – Ты ведь обычно не пьешь, разве что у Гarrisов.

От виски тебе всегда плохо.

– Виски тут ни при чем. Все не так просто. По-моему, мой недуг скорее душевного, чем телесного свойства.

– Опять ты начитался заумных критических статей, – сказала Этельберта, смягчившись. – Почему бы тебе не послушать моего совета и не бросить их в огонь?

– Статьи тут ни при чем. Между прочим, за последнее время мне попало несколько весьма лестных отзывов.

– Так в чем же тогда дело?

– Ни в чем. Одно могу сказать: в последнее время меня охватило какое-то странное волнение.

Этельберта посмотрела на меня с любопытством, но ничего не сказала.

– Знаешь, – продолжал я, – утомительное однообразие жизни, сплошная череда тихих, безоблачно счастливых дней способны вселить беспокойство в кого угодно...

– Не грехи, – сказала Этельберта. – Безоблачное счастье надо уметь ценить, оно ведь не вечно...

– Я с тобой не согласен. Жизнь, наполненная одними лишь радостями, однообразна. Я иногда задумываюсь, не считают ли святые в раю полнейшую безмятежность своего существования тяжким бременем. По мне, вечное блаженство способно свести с ума. Возможно, я странный человек, порой я сам себя с трудом понимаю... Бывают моменты, – добавил я, – когда я себя ненавижу...

Нередко такого рода философские рассуждения, отмеченные глубиной и некоторой таинственностью, производят впечатление на Этельберту, однако на этот раз, к моему огромному удивлению, она осталась равнодушной. Относительно жизни в раю супруга посоветовала мне не волноваться, заметив, что это мне не грозит; эксцентричность же моя известна всем, и тут уж ничего не поделаешь.

– Что же касается однообразия жизни, – добавила она, – то от этого страдают все. – Тут она со мной совершенно согласна. – Ты даже представить себе не можешь, – сказала Этельберта, – как иногда хочется уехать куда-нибудь, бросив все, даже тебя. Но я знаю, что это невозможно, поэтому всерьез об этом не задумываюсь.

Прежде я никогда не слышал, чтобы Этельберта говорила такое. Это меня озадачило и безмерно опечалило.

– С твоей стороны очень жестоко говорить мне такие слова. Хорошие жены придерживаются иного мнения.

– Я знаю, поэтому раньше ничего подобного и не говорила. Вам, мужчинам, этого не понять. Как бы женщина ни любила мужчину, он ее порой утомляет. Ты даже представить себе не можешь, как иногда хочется надеть шляпку и пойти куда-нибудь – и чтобы никто тебя не спрашивал, куда ты идешь и зачем, сколько времени ты будешь отсутствовать и когда вернешься. Ты даже представить себе не можешь, как хочется иногда заказать обед, который понравился бы мне и детям, но при виде которого ты нахлобучил бы шляпу и отправился в клуб. Ты даже представить себе не можешь, как иногда хочется пригласить подругу, которую я люблю, а ты терпеть не можешь; встречаться с людьми, с которыми мне приятно встречаться, ложиться спать, когда клонит в сон, и вставать, когда заблагорассудится. Если два человека живут вместе, то они вынуждены приносить в жертву друг другу свои желания. Вот почему иногда необходимо расслабляться.

Теперь, хорошенько обдумав слова Этельберты, я понимаю, насколько они мудры, но тогда они меня возмутили.

– Если ты желаешь избавиться от меня...

– Не валяй дурака, – сказала Этельберта. – Если я и хочу избавиться от тебя, то всего на несколько недель. За это время я успею забыть, что ты не лишен кое-каких недостатков, вспомню, что в целом ты довольно милый, и с нетерпением буду ждать твоего возвращения, как ждала тебя раньше, когда мы виделись не столь часто. А то бывает, я перестаю замечать тебя – ведь перестают же замечать солнце, оттого что видят его каждый день.

Тон, взятый Этельбертой, мне не понравился. Столь неоднозначную философскую проблему она обсуждала с неподобающим легкомыслием. То, что женщина предвкушает трех-четырёхнедельное отсутствие мужа, показалось мне ненормальным: хорошие жены об этом даже не помышляют. Прямо скажем, на Этельберту это было не похоже. Мне стало не по себе; ехать никуда не хотелось. Если бы не Джордж и Гаррис, я бы от поездки отказался. Но поскольку мы уже договорились, отступить было некуда.

– Отлично, Этельберта, – сказал я, – будь по-твоему. Хочешь отдохнуть от меня – отдыхай на здоровье. Боюсь показаться чересчур навязчивым, но, как муж, осмелюсь все же попытаться: что ты собираешься делать в мое отсутствие?

– Мы хотим снять тот самый домик в Фолкстоне, – сообщила Этельберта, – и поедем туда вместе с Кейт. Если же хочешь удружить Кларе Гаррис, – добавила она, – уговори Гарриса поехать с тобой, и тогда к нам присоединится и Клара. Когда-то – еще до вашей эры –

мы славно проводили время втроем, и теперь с радостью объединимся. Как по-твоему, тебе удастся уговорить Гарриса?

Я сказал, что постараюсь.

– Вот и отлично. Уж постарайся, пожалуйста. Кстати, можете взять с собой Джорджа.

Я ответил, что брать с собой Джорджа нет никакого резона, ведь он холостяк и в его отсутствии никто не заинтересован. Но женщины иронии не понимают. Этельберта пропустила мою тираду мимо ушей, сказав лишь, что бросить Джорджа одного было бы жестоко. Я пообещал передать ему эти слова.

Днем в клубе я встретил Гарриса и спросил, как у него дела.

– Все в порядке, меня отпустили.

Чувствовалось, однако, что он от этого не в восторге, и я попытался узнать подробности.

– Все шло как по маслу, – рассказал он. – Жена сказала, что Джордж хорошо придумал и мне это пойдет на пользу.

– Значит, все в порядке, – сказал я. – Что же тебе не нравится?

– Все было бы в порядке, если бы разговор не зашел на другую тему.

– Вот оно что...

– Ей взбрело в голову установить в доме ванну.

– Я в курсе. Эту же мысль твоя жена подсказала Этельберте.

– Делать было нечего, пришлось согласиться: меня застали врасплох, и спорить я не мог – ведь она со мной не спорила. Это обойдется мне фунтов в сто, не меньше.

– Неужели так дорого?

– Дешевле не выйдет. Одна только ванна стоит шестьдесят фунтов.

Мне было искренне его жаль.

– Потом еще эта кухонная плита. Во всех бедах, случившихся в доме за последние два года, виновата кухонная плита.

– Это мне знакомо. За годы совместной жизни мы сменили семь квартир и соответственно семь плит, которые были одна хуже другой. Нынешняя наша плита не только неумела, но и зловредна. Она словно заранее знает, когда придут гости, и в этот момент нарочно выходит из строя.

– А вот мы покупаем новую, – сказал Гаррис без особой, впрочем, гордости. – Клара считает, что, установив одновременно и плиту, и ванну, мы сильно сэкономим. По-моему, если женщине взбрело в голову купить бриллиантовую тиару, она сумеет убедить вас, что таким образом экономит на шляпках.

– Во сколько, по-твоему, вам обойдется плита? – Вопрос этот меня заинтересовал.

– Не знаю... наверное, фунтов в двадцать. Но и это еще не все: потом речь зашла о пианино. Ты когда-нибудь замечал, чем одно пианино отличается от другого?

– Одни звучат громче, другие тише. Но к этому привыкаешь.

– В нашем первая октава никуда не годится, – сказал Гаррис. – Между прочим, что такое первая октава?

– Это справа, визгливые такие клавиши, – объяснил я. – Они визжат, как будто им наступили на хвост. Используются для эффектных концовок.

– Одного пианино им, видишь ли, мало. Мне велено старое передвинуть в детскую, а новое поставить в гостиной.

– Что еще?

– Все, – сказал Гаррис. – На большее ее не хватило.

– Ничего: когда ты придешь домой, то выяснится, что они придумали еще что-нибудь.

– Что?

– Снять домик в Фолкстоне сроком на месяц.

– Зачем ей домик в Фолкстоне?

– Жить, – отрезал я. – Жить там летом.

– На лето она с детьми собиралась к родственникам в Уэльс.

– Быть может, в Уэльс она съездит до того, как отправится в Фолкстон, а возможно, заедет в Уэльс на обратном пути. Ясно одно: ей обязательно захочется снять на лето домик в Фолкстоне. Я, конечно, могу ошибаться: и слава богу, если ошибаюсь, – но есть у меня предчувствие, что так оно и будет.

– Похоже, наша поездка нам дорого обойдется.

– Это была с самого начала идиотская затея.

– Не надо было его слушать. То ли еще будет!

– Вечно он что-нибудь выдумает, – согласился я.

– Упрямый болван, – добавил Гаррис.

Тут из передней раздался голос Джорджа. Он спрашивал, нет ли ему писем.

– Лучше ничего ему не говорить, – посоветовал я. – Теперь уже поздно отступать.

– И бессмысленно, – согласился Гаррис. – Покупать ванну и пианино мне ведь все равно придется.

Вошел Джордж. Он был в отличном настроении.

– Ну, все в порядке?

Что-то мне в его вопросе не понравилось. Я заметил, что и Гарриса возмутил его тон.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался я.

– Удалось отпроситься? – уточнил Джордж.

Я понял, что пришло время поговорить с Джорджем начистоту.

– В семейной жизни, – провозгласил я, – мужчина повелевает, а женщина подчиняется, это ее долг. «Жена да убоится мужа своего».

Джордж сложил руки и воззрился на потолок.

– Мы можем сколько угодно зубоскалить и острить на эту тему, – продолжал я, – но вот что происходит в действительности. Мы известили своих жен, что уезжаем. Естественно, они огорчились. Они были не прочь поехать с нами, но, убедившись, что это невозможно, стали умолять нас не покидать их. Однако мы разъяснили им, что мы думаем на этот счет, и на этом тема была исчерпана.

– Простите меня, – сказал Джордж, – в этих вещах я, холостяк, не разбираюсь. Мне говорят, а я слушаю.

– И напрасно. Если тебя что-то подобное заинтересует, приходи ко мне или Гаррису, и мы предоставим тебе исчерпывающую информацию о семейной жизни.

Джордж выразил нам свою благодарность, и мы сразу же перешли к делу.

– Когда выезжаем? – спросил Джордж.

– Мне кажется, – сказал Гаррис, – с этим тянуть не следует.

По-моему, он стремился уехать до того, как миссис Гаррис придумает еще что-нибудь. Ехать решено было в следующую среду.

– Как насчет маршрута? – поинтересовался Гаррис.

– У меня есть идея, – сказал Джордж. – Полагаю, что вы, друзья, горите желанием расширить свой кругозор.

– По-моему, дальше его расширять уже некуда, – заметил я. – Но если это не повлечет за собой излишних затрат и чрезмерных физических усилий – мы не прочь.

– На этот счет можете быть спокойны, – сказал Джордж. – Мы повидали Голландию и Рейн. А теперь я предлагаю доехать на пароходе до Гамбурга, осмотреть Берлин и Дрезден, а затем отправиться в Шварцвальд через Нюрнберг и Штутгарт.

– Мне говорили, что есть прекрасные уголки в Месопотамии, – пробормотал Гаррис.

Джордж сказал, что Месопотамия нам совсем уж не по пути, а вот его маршрут вполне приемлем. К счастью или к несчастью, но он нас убедил.

– Средства передвижения, – сказал Джордж, – как договорились. Я и Гаррис на тандеме, а...

– Я не согласен, – решительно заявил Гаррис. – Ты и Д. на тандеме, а я – на одноместном.

– Мне все равно, – согласился Джордж. – Я и Д. на тандеме, Гаррис...

– Можно установить очередность, – перебил я, – но всю дорогу везти Джорджа я не намерен. Груз распределяется поровну.

– Ладно, – согласился Гаррис, – но необходимо решительно потребовать, чтобы он работал.

– Кто работал? – не понял Джордж.

– Ты работал. Во всяком случае, на подъеме.

– Боже праведный! – воскликнул Джордж. – Неужели вам не хочется слегка поразмяться?

Тандем – вещь неприятная. Сидящий спереди уверен, что находящийся сзади ничего не делает; той же точки зрения придерживается и сидящий сзади: единственная движущая сила – это он, а сидящий спереди попросту валяет дурака. Эта тайна так навсегда и останется тайной. Чувствуешь себя довольно неудобно, когда в одно ухо Благоразумие подсказывает: «Не переусердствуй, твое сердце не выдержит такой нагрузки», – в другое Справедливость нашептывает: «С какой стати, собственно, ты все должен делать один? Это не кеб, да и он не пассажир», – а твой напарник во всю глотку орет: «Эй, что случилось? Потерял педаль, что ли?»

Гаррис во время свадебного путешествия доставил себе массу хлопот, и все из-за того, что трудно установить, чем занят твой напарник. Они с женой путешествовали по Голландии. Дороги там мостят булыжником, и велосипед основательно трясло.

– Пригнись, – сказал Гаррис, не поворачивая головы.

Миссис Гаррис же решила, что он сказал «прыгай!». Почему ей послышалось, что он сказал «прыгай!», когда он сказал «пригнись!», никто из них и по сей день объяснить не может.

«Если бы ты сказал «пригнись!», с какой стати я бы стала прыгать?» – считает миссис Гаррис.

«Если б я хотел, чтобы ты спрыгнула, с какой стати я бы сказал «пригнись!»?» – считает Гаррис.

Горечь тех дней прошла, но и сейчас они продолжают спорить по этому поводу.

Как бы то ни было, но факт остается фактом: миссис Гаррис спрыгнула, а Гаррис продолжал жать на педали, полагая, что молодая жена все еще сидит сзади. Поначалу ей казалось, что он на большой скорости поднимается в гору лишь затем, чтобы показать, на что способен. Тогда оба они были молоды, и он любил выкидывать подобные номера. Она думала, что в конце подъема он спрыгнет на землю и, с небрежным изяществом опершись на руль, станет поджидать ее. Когда же она увидела, что, преодолев подъем, он и не думает останавливаться, а, напротив, разогнавшись, несется вниз по длинному пологому спуску, то сначала удивилась, затем возмутилась и, наконец, перепугалась. Она взбежала на горку и подняла крик, но он даже не обернулся. Она видела, как он проехал по дороге мили полторы, а затем исчез в лесу. Тогда она села на дорогу и заплакала. Утром они немного повздорили из-за какого-то пустяка, и она подумала, что он решил ее бросить. Денег у нее не было, голландского языка она не знала. Подошли люди, стали ее успокаивать. Она попыталась объяснить им, что произошло. Они поняли, что она что-то потеряла, но что именно – взять в толк не могли. Ее проводили до ближайшей деревни и там нашли полицейского. Из ее пантомимы страж порядка заключил, что какой-то мужчина украл у нее велосипед. Связались по телеграфу с окрестными деревнями и в одной из них обнаружили мальчишку, ехавшего на дамском велосипеде допотопной конструкции. Мальчишку немедленно задержали и доставили к ней на телеге, но так как она не выказала ни малейшего интереса ни к нему, ни к его велосипеду, отпустили и продолжили поиски.

Тем временем Гаррис в отличном настроении продолжал свой путь. Ему показалось, что внезапно он стал сильнее и выносливее. «Никогда еще машина не казалась мне такой легкой, – сказал он, обращаясь к воображаемой миссис Гаррис, – по-моему, это здешний воздух, он явно идет мне на пользу».

Затем он велел ей набраться смелости, пригнулся к рулю и изо всех сил заработал ногами. Велосипед полетел по дороге точно птица. Фермеры и церкви, собаки и цыплята исчезали из виду, едва успев появиться. Старики с изумлением провожали его глазами, дети восторженно кричали ему вслед.

Так он промчался пять миль, но тут, как он объяснил впоследствии, у него закралось подозрение: здесь что-то неладно. Молчание миссис Гаррис его не смущало: дул сильный ветер, да и велосипед порядком трясло. Он вдруг стал ощущать пустоту, протянул руку назад, но там никого не было. Он спрыгнул, точнее говоря, вылетел из седла и оглянулся на лесную дорогу, прямую как стрела: ни одной живой души видно не было. Тогда он вскочил в седло и помчался назад. Через десять минут он добрался до развилки – вместо одной дороги стало почему-то целых четыре. Он слез и стал вспоминать, по какой из них ехал он.

Пока он размышлял, что делать, мимо проехал фермер верхом на лошади. Гаррис остановил его и сообщил, что потерял жену. Верховой не выразил ни удивления, ни сочувствия. Пока они беседовали, подошел еще один фермер, которому всадник объяснил, в чем дело, причем в его изложении несчастный случай подозрительно смахивал на забавный анекдот. Второго фермера больше всего удивило, что Гаррис поднимает шум по пустякам. В результате, ничего от них не добившись, он оседлал велосипед и, проклиная бестолковых фермеров, наудачу поехал по центральной дороге. На середине ему попала веселая компания: две девицы и парень. Решив, что уж они-то должны его понять, он спросил, не встречалась ли им его жена. Они поинтересовались, как она выглядит. Недостаточно хорошо зная голландский, он сказал лишь, что его жена очень красивая женщина, среднего роста, на большее его не хватило. Естественно, столь общее описание их не удовлетворило: этак и чужую жену присвоить недолго. На вопрос же, как она одета, он ничего путного ответить не смог.

Я, кстати, вообще сомневаюсь, что есть мужчины, которые могут сказать, как была одета женщина, с которой они расстались десять минут назад. Гаррис вспомнил, что на жене была синяя юбка и, кажется, что-то еще. Не исключено, что это была блузка: в памяти всплыли смутные очертания пояса. Но какая блузка? Зеленая, желтая, голубая? Был ли у нее воротничок или бант? Что было на шляпке – перья или цветы? И была ли вообще шляпка? Он не решался ответить на вопрос, боясь, что ошибется и его ушлют за много миль искать то, чего он не терял. Тут девицы стали хихикать, что взбесило Гарриса, ибо ему было вовсе не до смеха. Кончилось тем, что парень, чтобы отвязаться от Гарриса, посоветовал ему обратиться в полицию, и Гаррис покатыл в ближайший город. В участке ему дали лист бумаги и велели в деталях описать внешность жены, а также указать, где, когда и при каких обстоятельствах она была утеряна. Где именно он ее потерял, Гаррис сказать не мог; единственное, что он сообщил, – это название деревни, где они обедали; там она была еще с ним, и выехали они вроде бы вместе.

В полиции заинтересовались происшедшим и решили уточнить следующее. Первое: действительно ли утерянная приходится Гаррису женой; второе: действительно ли он ее потерял; третье: зачем он ее потерял. С помощью трактирщика, который немного говорил по-английски, Гаррису удалось ответить на все вопросы и отвести от себя подозрения, после чего полиция взялась за дело и вечером доставила утерянную жену в крытом фургоне, приложив счет, подлежащий оплате. Встреча супругов особой нежностью не отличалась. Миссис Гаррис – неважная актриса, и ей стоит немалых трудов сдерживать свои чувства. В тот же раз, в чем она чисто-сердечно призналась, она и не пыталась их сдерживать.

Покончив с транспортом, мы перешли к вопросу о багаже.

– Составим список, – сказал Джордж, приготовившись писать.

Этой премудрости обучил их я, а меня, много лет назад, – дядюшка Поджер.
«Всегда, прежде чем паковать вещи, – говаривал дядюшка, – составь список».
Скруплезный это был человек.

«Возьми лист бумаги, – он всегда начинал с самого начала, – и запиши все, что тебе может понадобиться; затем просмотри список еще раз и вычеркни то, без чего можно обойтись. Представь, что ты ложишься спать, – что тебе надо? Отлично, запиши и это, да не забудь, что белье придется менять. Ты встал – что ты делаешь? Умываешься. Чем? Мылом. Пиши: «Мыло». И так дальше. Затем переходи к одежде. Начни с ног. Что ты носишь на ногах? Ботинки, туфли, носки – запиши все это. И так, пока не дойдешь до головы. Что еще надо человеку, кроме одежды? Немного бренди. Запиши и бренди. Штопор. Пиши: «Штопор», – чтобы не пришлось открывать бутылку зубами».

Сам дядюшка Поджер неукоснительно придерживался этого плана. Составив список, он, следуя собственному совету, внимательно его просматривал, а затем вычеркивал то, без чего можно обойтись.

После этого список терялся.

– Самое необходимое, – сказал Джордж, – возьмем с собой на велосипеды, а тяжелые вещи будем отправлять из города в город багажом.

– Тут следует быть осторожным, – предупредил я, – был у меня один знакомый...

Гаррис посмотрел на часы.

– О твоём знакомом мы поговорим на пароходе, – перебил он. – Через полчаса мне надо встретить Клару на вокзале Ватерлоо.

– Мой рассказ не займет и получаса, – возмутился я. – Это правдивая история, и я...

– Успеешь еще рассказать, – сказал Джордж. – Говорят, в Шварцвальде по вечерам бывают дожди, тогда ты нас и развлечешь. А сейчас надо дописать список.

Стоит мне начать эту историю, как меня обязательно кто-нибудь перебивает. А ведь история эта произошла на самом деле.

Глава III

Единственный недостаток Гарриса. – Гаррис и его ангел-хранитель. – Патентованная фара. – Идеальное седло. – Специалист по велосипедам. – Его острый глаз. – Его метод. – Его самонадеянность. – Что ему надо от жизни. – Как он выглядит. – Как от него избавиться. – Джордж в роли пророка. – Высокое искусство грубить на иностранном языке. – Джордж – знаток человеческой природы. – Он предлагает эксперимент. – Его предусмотрительность. – Гаррис обещает подстраховать его – правда, на определенных условиях.

В понедельник днем ко мне зашел Гаррис, который теребил рекламный проспект какой-то велосипедной фирмы.

Я сказал:

– Послушай меня и выбрось его из головы.

– Что выбросить из головы?

– Патентованное, новейшее, революционное, не имеющее себе равных приспособление для доверчивых дураков, рекламу которого ты держишь в руках.

– Ну, не скажи: на спуске без тормозов не обойтись, а спуски у нас будут.

– Согласен, тормоз нам не помешает в отличие от этого твоего мудреного механизма, который отказывает всякий раз, когда это необходимо.

– Эта штука срабатывает автоматически.

– Можешь мне не объяснять. Сердцем чувствую, что выйдет из этого «автоматизма».

На подъеме патентованное средство намертво заклинит колесо, и придется тащить машину на себе. Горный воздух на перевале пойдет механизму на пользу, и он придет в себя. На спуске он задумается о том, что успел уже натворить дел. Его начнут мучить угрызения совести: «Какой из меня тормоз? Разве я помогаю этим людям? Им от меня одни хлопоты. Дрянь я, а не тормоз», – и без предупреждения вцепится в колесо. Вот как поведет себя твой тормоз. Забудь о нем. Парень ты неплохой, – добавил я, – но есть у тебя один недостаток.

– Какой еще недостаток?

– Твоя доверчивость. Ты веришь любой рекламе. Все эти экспериментальные устройства, все эти штучки, которые выдумали помешанные на велосипедах ослы, ты испытал на собственной шкуре. Нет сомнений, твой ангел-хранитель могуч и заботлив, но, поверь, всему есть предел, не стоит более искушать его. С тех пор как ты купил велосипед, дел у него прибавилось. Дай ему немного прийти в себя.

– Если бы все рассуждали так, как ты, – возразил он, – никакого прогресса бы не было. Если бы никто не испытывал изобретений, мы бы ходили в звериных шкурах. Лишь благодаря...

– Мне заранее известно все, что ты скажешь, – перебил его я. – До тридцати пяти еще можно ставить над собой опыты, но после человек вправе подумать и о себе. Мы свой долг перед человечеством выполнили, уж ты во всяком случае. Кто подорвался на патентованной газовой фаре?

– Верно, но тут я сам виноват: по-моему, переусердствовал с болтами.

– Охотно верю. Если что-то можно завинтить не так, как надо, то ты это непременно сделаешь. В нашем споре это веский довод в мою пользу. Я же не видел, что ты там учинил с этой фарой; я лишь знаю, что мы тихо-мирно ехали по Уитби-роуд, беседовали о Тридцатилетней войне, и вдруг твоя фара грохнула, как будто из пистолета выстрелили. От неожиданности я свалился в канаву. Никогда не забуду лица миссис Гаррис, когда я говорил ей, что ничего страшного не произошло, волноваться не следует – тебя внесут на носилках наверх, а врач с сестрой будут с минуты на минуту.

Кстати, жаль, что ты не подобрал эту фару. Хотелось бы разобраться, почему она рванула.

– Некогда было ползать собирать осколки. Чтобы собрать все, что от фары осталось, ушло бы как минимум часа два. Что же касается того, почему она рванула, то уже сам по себе факт, что фару рекламировали как самую безопасную, свидетельствовал о неизбежности аварии. Тебе, разумеется, это в голову не пришло. А еще была электрическая фара... – продолжал я.

– Ну уж эта-то светила отлично, – подхватил Гаррис. – Ты же сам говорил.

– Днем на Кингз-роуд в Брайтоне она светила преотлично, даже лошадь испугалась. Когда же стемнело и мы выехали за Кемп-Таун, фара погасла, и тебя вызывали в суд за езду без освещения. Может, ты не забыл, как мы погожими летними днями катались по городу. В светлое время суток фара старалась изо всех сил. Зато к наступлению сумерек, когда полагается включать освещение, она, естественно, выдыхалась.

– Да, вела она себя не ахти, эта чертова фара, – буркнул Гаррис. – Что было, то было.

– «Не ахти» – еще мягко сказано... А потом на смену фарам пришли седла, – решил добить я его. – Скажи-ка, были ли такие седла, которых ты не испробовал?

– У меня есть заветная мечта, – признался он. – Подобрать седло, на котором удобно сидеть.

– И не мечтай: мир, в котором мы живем, далек от совершенства, здесь все перемешалось – и радость и горе. Кто знает, может быть, за морем есть чудесная страна, где седла делают из радуги на облачной подушке; в нашем же мире приходится привыкать к чему-нибудь более жесткому. Взять хотя бы то седло, которое ты приобрел в Бирмингеме: то самое, что состояло из двух половинок и походило на пару говяжьих почек.

– Ты имеешь в виду седло, созданное по анатомическому принципу?

– Весьма вероятно. На коробке был нарисован сидящий скелет, а вернее, та часть скелета, которая сидит.

– Да, на схеме было показано правильное положение тела при...

– Не будем уточнять; картинка мне показалась немного неприличной.

– С точки зрения медицины все было правильно.

– Не знаю. Седоку, у которого кожа да кости, такое седло, возможно, и подошло бы. Я испытал его сам и со всей ответственностью заявляю: для человека, у которого есть плоть, это медленная смерть. Как только наезжаешь на камень или колесо подпрыгивает на ухабе, седло пребольно кусает тебя; это все равно что заниматься выездкой норовистого омара. Ты же пользовался им целый месяц.

– За меньший срок невозможно оценить новинку по достоинству, – гордо заявил он.

– За этот месяц и твои домашние сумели оценить тебя по достоинству. Твоя жена жаловалась мне, что за всю вашу совместную жизнь не видела тебя таким злобным, как в тот месяц. А седло с пружиной помнишь?

– «Спираль»?

– Не знаю, «спираль» или нет, но прыгал ты на нем, как чертик из табакерки, причем далеко не всегда приземлялся в нужной точке. Я не затем завел об этом речь, чтобы вызвать у тебя неприятные воспоминания, просто хочу предостеречь от всякого рода экспериментов. В твои годы это становится опасным.

– Что ты все повторяешь: «В твои годы, в твои годы...»? Мужчина в возрасте тридцати четырех лет...

– В каком, прости, возрасте?

– Если обойдетесь без тормозов, так и говорите. Только когда вы с Джорджем, разогнавшись на спуске, взлетите на колокольню, я буду не виноват.

– За Джорджа поручиться не могу, – сказал я, – сам же знаешь, он человек вспыльчивый. Если мы, как ты выразился, «взлетим на колокольню», он скорей всего будет недоволен, но я обещаю объяснить ему, что ты здесь ни при чем.

– Машина в порядке? – спросил Гаррис.

– Отличный тандем.

– Все отладил?

– Нет. И не буду. Машина на ходу, и трогать ее до отъезда я не дам. Никому.

Знаем мы этих «отладчиков». Как-то в Фолкстоне я познакомился с одним типом. Мы разговорились, и он предложил мне прокатиться на велосипедах. Я согласился. Утром я встал чуть свет, проявив завидную силу воли, однако мой новый знакомый опоздал на полчаса.

– На вид машина неплохая. А как она на ходу? – было первое, что он спросил, появившись.

– Как все мы, – добродушно ответил я. – Утром – не догонишь, а после обеда – еле тащится.

Вдруг он вцепился в переднее колесо и яростно встряхнул велосипед.

– За что вы его так? – перепугался я.

Я не мог взять в толк, что плохого сделал ему мой велосипед. Даже если он чем-то и провинился, наказывать его имел право только я. Велосипед, как и собаку, вправе наказывать только его хозяин.

– Люфт переднего колеса... – глубокомысленно заметил он.

– А вы не трясите – и люфта не будет. Никакого люфта и в помине не было – как люфтят колеса, мне хорошо известно.

– Это может плохо кончиться. Ключ у вас есть?

Мне следовало бы проявить твердость, но я почему-то решил, что мой новый знакомый в велосипедах разбирается, и пошел в сарай за инструментом. Вернувшись, я застал его сидящим на земле. Зажав колесо между ногами, он крутил его, пропуская через растопыренные пальцы. Останки велосипеда были разбросаны рядом, на дорожке.

– С передним колесом что-то не то.

– В самом деле?

Но такие люди иронии не понимают.

– По-моему, подшипник полетел.

– Не утруждайте себя понапрасну. Давайте поставим колесо на место – и поехали.

– Раз уж оно снято, стоит посмотреть, что там приключилось. – Он говорил так, будто колесо «снялось» само.

И прежде чем я опомнился, он где-то что-то отвернул, и тысячи шариков понеслись, обгоняя друг друга, по дорожке.

– Ловите! – закричал он. – Держите! Не дай бог потерять хоть один!

Проползав с полчаса на животе, мы собрали ровно шестнадцать шариков.

– Будем надеяться, заявил он, – что не пропало ни одного; в противном случае ваш аппарат будет работать еще хуже.

По его словам, когда отлаживаешь велосипед, самое главное – ничего не потерять, особенно шарики. Разбирая и собирая подшипник, шарики следует тщательно пересчитывать – проверять, все ли на месте. Я заверил его, что если мне доведется отлаживать велосипед, то непременно последую его совету.

На всякий случай я сложил шарики в шляпу, а шляпу отнес на крыльцо. Не скажу, что я поступил осмотрительно. Более того, я совершил глупость. Вообще-то идиотом меня не назовешь, но дурной пример заразителен.

Затем «отладчик» сказал, что надо заодно посмотреть и цепь, и тут же стал снимать ведущую шестерню. Я попытался было остановить его, процитировав одного моего многоопытного

друга, который как-то раз торжественно провозгласил: «Если у тебя полетела передача, продай машину и купи новую – дешевле будет».

– Так рассуждают люди, ничего не понимающие в технике. Разобрать ведущий блок – пара пустяков.

Тут он оказался прав, надо отдать ему должное. Не прошло и пяти минут, как коробка передач была разобрана на части, а он ползал по дорожке в поисках винтиков. По его словам, для него всегда оставалось загадкой, куда деваются винтики.

Только мы принялись искать винтики, как появилась Этельберта. Она ужасно удивилась, застав нас в саду, – по ее расчетам, мы должны были выехать несколько часов назад.

– Скоро тронемся, – успокоил ее велосипедных дел мастер. – Вот, решил помочь вашему мужу аппарат отладить. Хороший аппарат, только нужно кое-что подрегулировать.

– Умываться ступайте на кухню. Я только что прибрала в комнатах, – предупредила Этельберта.

Она сказала, что зайдет за Кейт, и, если та дома, они поедут кататься на яхте и к обеду вернуться. Я готов был отдать содерен, лишь бы поехать с ними: стоять и смотреть, как этот болван калечит мою машину, мне здорово надоело.

Внутренний голос нашептывал мне: «Останови его, пока он еще чего-нибудь не натворил. Ты вправе защищать свою собственность от посягательств этого безумца. Возьми его за шиворот и выставь за ворота!»

Но обидеть человека я по природе своей не способен, и разрушительная деятельность продолжалась своим чередом.

От поисков недостающих винтиков он отказался. Винтики, по его словам, обладают удивительным свойством находиться именно тогда, когда про них напрочь забываешь. Собрав шестеренки и кое-как закрепив коробку передач, он принялся регулировать цепь. Сначала он натянул ее так, что колесо перестало крутиться, затем ослабил настолько, что она провисла до земли. Потом он заявил, что лучше оставить цепь в покое, а вместо этого поставить на место переднее колесо.

Я раздвигал вилку, а он вставлял колесо. Через десять минут я предложил ему поменяться местами: пусть он держит вилку, а я займусь колесом. Еще через минуту велосипед упал, а он запрыгал вокруг крокетной площадки, зажав между коленями пальцы. Совершая эти упражнения, он объяснял мне, что при установке колеса самое главное – следить, чтобы пальцы не попали между вилкой и спицами. Я ответил, что совершенно с ним согласен, ибо по собственному опыту знаю, что это такое. Он перевязал пальцы тряпками, и мы продолжили работу. Наконец колесо встало на место, однако стоило ему затянуть последнюю гайку, как он разразился громким смехом.

– Чему вы смеетесь?

– Ну и осел же я!

Такая самокритичность мне понравилась, и я поинтересовался, что могло навести его на эту здравую мысль.

– Мы же забыли про шарики!

Я стал искать шляпу. Она валялась на дорожке, а любимый пес Этельберты жадно пожирал шарики.

– Ей пришел конец, – сказал Эббсон (с тех пор я его, слава создателю, ни разу не встречал, но звали его, если не ошибаюсь, Эббсон). – Они из нержавеющей стали.

Я ответил:

– Если вы о собаке, то волноваться не стоит. На прошлой неделе эта псина сожрала шнурок от ботинок и пачку иголок. Инстинкт обычно их не подводит; щенкам, должно быть, полезны подобные стимуляторы. Вот велосипед – дело другое. Вы полагаете, его ничто уже не спасет?

От природы Эббсон был оптимистом.

– Ничего страшного. Поставим на место те шарики, что удастся отыскать, и положимся на Провидение.

Удалось отыскать одиннадцать шариков. Шесть мы впихнули с одной стороны, пять – с другой, и через каких-нибудь полчаса колесо стояло на месте. Вот теперь оно действительно люфтило, это было видно и младенцу. Эббсон сказал, что на сегодня, пожалуй, хватит. Он явно утомился и хотел домой. Я же, со своей стороны, настаивал, чтобы дело было доведено до конца. О велосипедной прогулке я даже не помышлял: «аппарат» был в безнадежном состоянии, – но мне очень хотелось посмотреть на новые царапины и синяки Эббсона. Он приуныл; заметив это, я сбегал на кухню, вынес ему стакан пива и воззвал к его благоразумию:

– Смотрю я на вас с нескрываемым удовольствием. Меня приводят в восторг не только ваша удивительная ловкость и сноровка, но и непоколебимая уверенность в своих силах, а также совершенно непостижимый для меня оптимизм.

Напутствуемый этими словами, он принялся прилаживать к валу ведущего блока снятые педали, после чего прислонил велосипед к стене и стал затягивать какую-то гайку. Затем он прислонил его к дереву, пытаясь дотянуться до гайки с другой стороны. Затем я держал велосипед, а он лежал на земле между колесами и старался подобраться к ней снизу, в результате чего на него вылилось масло. Затем он отобрал у меня велосипед, перевесился через раму, уподобившись переметной суме, и на некоторое время застыл в таком положении. Впрочем, долго продержаться ему не удалось: вскоре он потерял равновесие и упал на голову. Трижды я слышал его восторженные крики:

– Слава богу, наконец-то все в порядке!

Дважды – его проклятия:

– А, дьявол, опять не годится!

Слова, произнесенные им в третий раз, лучше и вовсе не вспоминать.

В конце концов, он пришел в ярость и решил припугнуть велосипед, однако тот, к моему огромному удовольствию, не спасовал, и вскоре между ними развернулась настоящая схватка. Противники стояли друг друга: то Эббсон брал верх над поверженной в прах машиной, то, наоборот, велосипед укладывал его на обе лопатки. Порой казалось, что Эббсону удастся укротить разбушевавшийся «аппарат», но нет: в последний момент велосипед вырывался, разворачивался и со всего маху лупил его по голове ручкой руля.

Без четверти час, грязный и оборванный, весь в ссадинах и синяках, он, вытирая лоб, сказал:

– Уффф! Пожалуй, все.

Велосипеду, правда, тоже досталось. Кто пострадал больше – сказать не берусь. Я отвел Эббсона на кухню, там он наскоро умылся и убежал домой.

Велосипед же я погрузил в кеб и повез в ближайшую мастерскую. Мастер долго и внимательно рассматривал исковерканную машину.

– Ну и что же вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы его починили.

– Легко сказать. Ну да ладно, что-нибудь придумаем.

Придумал он на два фунта десять шиллингов. Но машина была уже не та, и в конце лета я решил ее продать. Врать я не привык и попросил агента указать в объявлении, что велосипед куплен в прошлом году. Агент же посоветовал об этом вообще не упоминать.

– В нашем деле никого не волнует, правду говорит клиент или врет; нам главное, чтобы покупатель поверил, – сказал он. – Если честно, ни за что не скажешь, что велосипед куплен в прошлом году: на вид ему лет десять, не меньше, так что давайте об этом вообще умолчим и попробуем взять за него как можно больше.

Я полностью доверился ему и «взял» за велосипед целых пять фунтов – по словам агента, гораздо больше, чем он предполагал.

К велосипеду можно относиться двояко – его можно «отлаживать», а можно кататься. В то же время я бы не стал утверждать, что любитель «отладки» – себе враг: ведь такой человек не зависит от капризов погоды; сила и направление ветра, равно как и состояние дорог, его не волнуют. Дайте ему ключ, тряпки, канистру с машинным маслом, какую-нибудь скамеечку – и радости хватит на целый день. Конечно, и в этом занятии есть свои минусы, но где найти сплошные плюсы? Сам же «отладчик» похож на лудильщика; глядя на его велосипед, начинаешь подозревать, что он краденый и новый хозяин постарался изуродовать его до неузнаваемости. Впрочем, нашего энтузиаста эти нюансы мало заботят – он редко едет дальше первого поворота. При этом некоторые наивно полагают, что один и тот же велосипед можно использовать в двух разных целях. Это заблуждение. Ни одна машина не выдержит двойной нагрузки. Так что выбирайте: либо кататься, либо «отлаживать». Лично мне больше по душе кататься, и я терпеть не могу, когда меня подбивают «отладить» машину. Если в моем велосипеде что-то сломалось, я везу его в ближайшую мастерскую. Если авария случилась где-нибудь в глуши, на пустой дороге, я сажусь на обочину и жду попутной телеги. В таких случаях больше всего следует остерегаться странствующих знатоков. Для знатока сломанный велосипед – то же самое, что труп в придорожной канаве для стервятника: хлопая крылами, он устремляется на вас, оглашая воздух радостными криками. На первых порах я разговаривал с такими знатоками вежливо: «Все в порядке, не беспокойтесь. Пожалуйста, поезжайте своим путем».

Однако, как показывает опыт, в подобных обстоятельствах деликатность неуместна, поэтому теперь я разговариваю с ними иначе: «А ну не трогай машину! Проваливай, тебе говорят, а то костей не соберешь!»

Если же при этом скорчить рожу пострашней и потрясти палкой покрепче, то «наладчики», как правило, незамедлительно уезжают.

Ближе к вечеру зашел Джордж.

– Ну что, когда будешь готов?

– К среде. А уж как вы с Гаррисом – не знаю.

– Тандем в порядке?

– В полном порядке.

– Там ничего подкрутить не требуется?

– Жизнь и опыт подсказывают мне, что человек лишен дара предвидения. Поэтому далеко не на всякий вопрос я могу ответить со всей определенностью. Есть, однако, кое-какие вопросы, на которые я способен дать ответ, и в частности: ничего в тандеме подкручивать не стоит. А потому торжественно клянусь, что до среды ни одна живая душа велосипеда не коснется.

– Я бы на твоём месте так не кипятился. Недалек тот день, когда велосипеду потребуются небольшой ремонт, а до ближайшей мастерской тебя будет отделять каких-нибудь два горных перевала, ты же будешь изнемогать от усталости. И тогда ты начнешь кидаться на людей с вопросами, куда девалась масленка или куда запропастился ключ. Затем, потеряв всякую надежду прислонить велосипед к дереву, ты взмолишься, чтобы первый встречный прочистил цепь и подкачал заднее колесо.

Упрек Джорджа был справедлив и, больше того: в нем было нечто пророческое.

– Прости. Дело в том, что утром заходил Гаррис.

– Можешь не продолжать. Вообще-то я к тебе совсем по другому делу. Взгляни.

И он протянул мне книжку в красном переплете. Это был английский разговорник для немецких туристов. Он начинался разделом «На борту парохода» и кончался темой «У врача»; больше же всего разговоров велось в поезде, до отказа набитом склочными и, судя по репликам, дурно воспитанными пациентами психиатрической клиники. «Не могли бы вы отодви-

нуться от меня, сэръ?» – «Некуда, мадам, мой сосед занимает слишком много места!» – «Может, вы все же попробуете убрать куда-нибудь ваши ноги?» – «Будьте любезны, не пихайте меня локтем». – «Мадам, если вам удобнее сидеть, опираясь на мое плечо, то оно в вашем распоряжении!» (При этом оставалось неясным, выражает ли эта фраза серьезные намерения или в ней заключен едкий сарказм.) – «Мадам, вынужден попросить вас немного подвинуться, я задыхаюсь». По мысли автора, к этому времени вся компания должна была, по всей видимости, расположиться на полу. Кончался раздел фразой: «Наконец-то доехали, слава богу!» (Gott sei dank!) В данных обстоятельствах это благочестивое восклицание должно было произноситься хором.

В конце книги имелось приложение, в котором немецким туристам давались советы, как во время пребывания в английских городах сохранить покой и здоровье; при этом особо подчеркивалось, что в дорогу следует брать порошок от насекомых, всегда закрывать на ночь двери и тщательнейшим образом пересчитывать сдачу.

– Не самый удачный разговорник, – заметил я, возвращая книгу Джорджу. – Я бы не стал рекомендовать его немцу, который собирается посетить Англию. Таких немцев вряд ли ожидает у нас ласковый прием. Впрочем, мне довелось читать книги, изданные в Лондоне для собиравшихся за границу англичан, – такая же чушь. Похоже, какой-то идиот, перепутав семь языков, преследует цель перессорить между собой все европейские нации.

– Ты же не будешь отрицать, – сказал Джордж, – что подобные книги пользуются большим спросом? Ведь в любом европейском городе найдется немало людей, изъясняющихся аналогичным образом.

– Возможно, – ответил я, – но, к счастью, никто их не понимает. На перронах или на перекрестках мне самому не раз попадались люди, которые декламировали цитаты из этих книг. Никто не знает, что и на каком языке они говорят, и слава богу, ведь в противном случае они бы могли подвергнуться нападению.

– Может, ты и прав, – сказал Джордж, – и все же интересно было бы посмотреть, что произойдет, если их, несмотря ни на что, поймут. Давай в среду утром поедem в Лондон, похoдим по городу часок-другой и попытаемcя купить что-нибудь с помощью этой книжечки. Мне необходимо купить в дорогу кое-какую мелочь: шляпу, пару шлепанцев и так далее. Наш парoход отчаливает в двенадцать, так что времени у нас хоть отбавляй. Мне интересно узнать, как будут реагировать на фразы из разговорника, какие чувства испытывает иностранец, когда с ним разговаривают подобным образом.

Идея мне понравилась, и я предложил Джорджу составить ему компанию и подождать у входа в магазин. Я сказал, что, по-моему, Гаррис также будет не прочь зайти в магазин или – что вероятнее – подождать на улице.

На это Джордж сказал, что он бы хотел, чтобы мы с Гаррисом не ждали его у входа, а пошли в магазин вместе с ним. Если Гаррис, с его внушительными размерами, встанет рядом, а я займу пост у дверей, чтобы в случае необходимости успеть вызвать полицию, то он, пожалуй, готов рискнуть.

Мы зашли к Гаррису и поделились с ним своими планами. Он полистал разговорник, обращая особое внимание на разделы, касающиеся покупки обуви и головных уборов, после чего заметил:

– Если в обувном или шляпном магазине Джордж скажет то, что здесь написано, вызывать придется не полицию, а «Скорую помощь».

Джордж рассердился:

– Нечего делать из меня идиота. Я выберу выражения повежливей, постараюсь обойтись без оскорблений и скабрзностей.

Только после этого Гаррис дал свое согласие, и было решено выехать в среду рано утром.

Глава IV

Почему Гarrisу не нужен будильник. – Тяга к общению у молодежи. – Что думает ребенок об утре. – Неусыпный страж. – Его таинственность. – Его сверхзаботливость. – Ночные мысли. – Что можно успеть до завтрака. – Хорошая овечка и паршивая овца. – Минусы добродетельности. – Новая плита Гarrisа. – Дядюшка Поджер спешит на поезд. – Джентльменские скачки. – Мы приезжаем в Лондон. – Что произойдет, если говорить на языке туристов.

Во вторник вечером Джордж приехал к Гarrisу и остался у него ночевать. Такой вариант устраивал нас гораздо больше, чем план Джорджа, в соответствии с которым мы должны были заехать за ним сами и его «захватить». «Захватить» Джорджа – процедура весьма сложная: первым делом его необходимо вытащить из постели и хорошенько потрясти (занятие, прямо скажем, не из простых), затем следует помочь ему найти вещи и упаковать их и, наконец, дожидаться, пока он позавтракает (зрелище, удручающее бесконечным повторением однообразных действий).

Я по собственному опыту знал, что если остаться ночевать у Гarrisа, то встанешь вовремя. Глубокой, как может показаться, ночью, а на самом деле уже под утро, вы внезапно просыпаетесь от грохота, который способен произвести лишь кавалерийский полк, когда рысью проносится по коридору мимо вашей двери. Еще не совсем проснувшись, вы начинаете думать об ограблении, судном дне, взрыве газового баллона, вскакиваете, садитесь на кровати и прислушиваетесь. Ждать приходится недолго: через мгновение оглушительно хлопает дверь, и кто-то или что-то съезжает на подносе по ступенькам.

– А я что тебе говорил? – раздается голос в коридоре, и тут же что-то тяжелое отскакивает от вашей двери и с грохотом падает на пол.

Тут вы начинаете метаться по комнате, тщетно пытаясь отыскать одежду. Ничего нет на месте; главный предмет гардероба бесследно исчез, а в это время за дверью происходит убийство, восстание рабов, революция или что-то в этом роде. Распластавшись перед шкафом, под которым, по вашим расчетам, могут оказаться шлепанцы, вы с ужасом прислушиваетесь к мощным методичным ударам в чью-то дверь. Безусловно, жертва пыталась укрыться в комнате, но сейчас ее выволокут наружу и безжалостно прикончат. Успеете ли вы? Но тут стук прекращается, и нежный голосок спрашивает:

– Папа, можно встать?

Что говорит второй голос, не слышно, но первый отвечает:

– Нет, в ванной, нет, не ударилась, только облилась. Да, мам, я все передам. Мы же не нарочно. Да, спокойной ночи, папочка.

Затем тот же голос что есть мочи кричит:

– Идите обратно наверх! Папа сказал, что встать еще рано.

Вы опять ложитесь и слышите, как кого-то, явно против его воли, тащат наверх. Гостей Гarris специально селит под детской. Тот, кого тащат, упорно не желает снова ложиться спать и противится изо всех сил. Кровавопролитный бой предстает перед вашим мысленным взором во всех подробностях: как только поверженного противника удастся закинуть на пружинный матрас, кровать – прямо над вами – подпрыгивает; глухой стук падающего тела свидетельствует о том, что сопротивление еще до конца не сломлено. Через некоторое время схватка подходит к концу, а может, просто ломается кровать, и вы погружаетесь в сон, но через секунду – или через тот промежуток времени, который кажется вам секундой, – вы вновь открываете глаза, чувствуя, что на вас смотрят. Дверь приоткрыта, и четыре серьезных детских личика разглядывают вас с таким любопытством, будто вы редчайший музейный экспонат. Заметив, что вы

проснулись, самый старший, растолкав остальных, вваливается в комнату и непринужденно садится к вам на кровать.

– Ой! – говорит он. – А мы и не знали, что вы проснулись. Я-то сегодня уже просыпался.

– Знаю, – не вдаваясь в подробности, отвечаете вы.

– Папа не любит, когда мы рано встаем, – продолжает он. – Он говорит, что если мы встанем, то никому в доме не будет покоя. Вот мы и не встаем.

В его словах сквозит полная покорность судьбе. Он гордится своей добродетелью и готовностью жертвовать самыми заветными своими желаниями.

– Так, по-твоему, вы еще не встали? – спрашиваю я.

– Нет, еще не совсем. Видите, мы не одеты. – С этим не поспоришь. – Папа по утрам очень устает, – продолжает непрощенный гость, – это, конечно, потому, что он целый день работает. А вы устаете по утрам?

Малыш оборачивается и тут только замечает, что и остальные трое ребятшек вошли в комнату и расселись на полу. Совершенно очевидно, что комнату они принимают за ярмарочный балаган, а вас – за фокусника или клоуна, и терпеливо ждут, когда вы вылезете из постели и покажете им какой-нибудь номер. Пребывание посторонних в комнате гостя шокирует ребенка. Тонем, не допускающим возражений, он велит остальным детям убираться. Они и не думают возражать: в гробовой тишине все, как один, бросаются на него. С кровати вам виден лишь клубок тел, напоминающий сильно нетрезвого осьминога, пытающегося нащупать дно. Все сопят – так, должно быть, принято. Если вы спите в пижаме, то спрыгиваете с постели и своими действиями только усугубляете возню; если же ваш ночной туалет менее приличен, то остаетесь под одеялом, откуда призываете противоборствующие стороны к смирению, однако ваши призывы остаются без всякого внимания. Проще всего довериться старшему. Через некоторое время он, несмотря на яростное сопротивление, выкинет их в коридор и захлопнет дверь. Через секунду дверь снова распахнется, и кто-нибудь, обычно Мюриэль, вбежит, а точнее, влетит в комнату, словно выпущенная из катапульты. Силы неравные – у нее длинные волосы, за которые очень удобно ухватиться. Зная, по всей видимости, об этом своем природном недостатке, она одной рукой крепко держит волосы, а второй что есть силы дубасит старшего брата. Он опять распахивает дверь, и Мюриэль как таран прошибает строй располжившихся за дверью. Вы слышите глухой стук – это ее голова пришла в соприкосновение с сомкнутыми рядами. Одержав победу, старший возвращается на прежнее место, то есть к вам на кровать. Он не мстителен, поверженный враг прощен.

– Я люблю, когда утро, – говорит он. – А вы?

– Я тоже, – отвечаете вы. – Но иногда по утрам бывает довольно шумно.

Он не обращает внимания на ваше замечание и смотрит куда-то вдаль, лицо его просветляется.

– Я хотел бы умереть утром, ведь по утрам все так красиво.

– Что ж, если твой папа оставит ночевать у себя какого-нибудь сердитого дядю, то такая возможность тебе представится.

Тут юный философ вновь становится самим собой.

– В саду так здорово, – говорит он. – Вставайте, пошли сыграем в крикет.

Накануне, перед сном, вы строили совсем другие планы на утро, однако сейчас эта мысль не кажется вам столь уж абсурдной – заснуть ведь все равно не удастся, – и вы соглашаетесь.

В дальнейшем вы узнаете, как обстояло дело в действительности: томась бессонницей, вы поднялись ни свет ни заря и захотели сыграть в крикет. Дети, которых всегда учили быть вежливыми с гостями, сочли своим долгом развлечь вас. За завтраком миссис Гаррис заметит, что в этом случае недурно было бы проследить, чтобы дети оделись, прежде чем вести их в сад, а Гаррис даст понять, что своим необдуманным поведением вы свели на нет всю его многомесячную воспитательную деятельность.

Итак, в среду Джордж был поднят с кровати в четверть шестого утра и после недолгих уговоров согласился поучить детишек кататься вокруг парников на новом велосипеде Гарриса. Однако даже миссис Гаррис не стала винить Джорджа, интуитивно почувствовав, что по своей воле Джордж на такое вряд ли бы решился.

И дело тут вовсе не в том, что дети Гарриса – лживые и коварные бестии, готовые свалить вину на ближнего. Все вместе и каждый в отдельности – это честные ребяташки, всегда готовые взять вину на себя. Если вы потрудитесь объяснить им, что в ваши планы не входит вставать в пять утра и играть в крикет или же разыгрывать историю церкви, расстреливая из лука нечестивых, накрепко привязанных к дереву кукол; если вы признаетесь им, что предполагали мирно спать до восьми, а проснувшись, выпить в постели чашку крепкого чая, они сначала удивятся, затем извинятся, а под конец искренне раскаются. В данном же случае вопрос о том, почему Джордж проснулся около пяти – то ли по собственной инициативе, то ли его разбудил самодельный бумеранг, по чистой случайности залетевший в окно, – носит чисто прикладной характер: дети чистосердечно признались, что кругом виноваты они. Старший мальчик сказал:

– Мы должны были помнить, что дяде Джорджу предстоит тяжелый день, и надо было отговорить его так рано вставать. Это я во всем виноват.

Впрочем, ничего страшного не произошло; больше того: мы с Гаррисом решили, что этот случай пойдет Джорджу на пользу, ведь мы договорились, что в Шварцвальде будем вставать в пять утра. Сам-то Джордж предлагал подниматься еще раньше, в половине пятого, но мы с Гаррисом решили, что раньше вставать не обязательно: поднявшись в пять, в шесть мы уже будем крутить педали и до наступления жары успеем проделать изрядный путь. Иногда, конечно, можно выезжать и пораньше, но не каждый же день.

Сам я в то утро проснулся в пять – раньше, чем собирался: перед сном сказал себе: «В шесть ноль-ноль».

Я знаю, есть люди, которые могут просыпаться с точностью до минуты. Они говорят себе, опуская голову на подушку: «Четыре тридцать»; «Четыре сорок пять»; «Пять пятнадцать», – в зависимости от того, когда им надо встать, и с боем часов, как это ни удивительно, открывают глаза. Такое впечатление, что внутри нас есть некто отсчитывающий время, пока мы спим. У него нет часов, он не видит солнца, и все же в кромешной тьме точно определяет время. В нужный момент он шепчет: «Пора!» – и мы просыпаемся. Один мой знакомый рыбак рассказывал мне как-то, что этот некто будит его ровно за полчаса до начала прилива, когда бы прилив ни начинался. Усталый рыбак ложится спать, тут же погружаясь в глубокий сон, и каждое утро его неусыпный ночной страж, точный, как и сам прилив, шепотом будит его. Блуждал ли дух этого человека во тьме по илистому берегу моря, знаком ли он был с законами природы? Бог его знает.

Моему же неусыпному стражу, по-видимому, просто не хватает практики. Он старается изо всех сил, но волнуется, суетится и сбивается со счета. Скажешь ему, например: «Завтра, пожалуйста, в пять тридцать», – а он разбудит тебя в половине третьего. Я смотрю на часы. Он полагает, что я забыл их завести. Я прикладываю их к уху – идут. Тогда он высказывает предположение, что они отстают: сейчас, должно быть, половина шестого, а то и больше. Чтобы успокоить его, я надеваю шлепанцы и спускаюсь в столовую взглянуть на настенные часы. Что происходит с человеком, когда он в халате и шлепанцах среди ночи бродит по дому, описывать нет необходимости, каждый испытал это на себе. Все вещи, в особенности же с острыми углами, норовят исподтишка ударить его, и побольней. Когда вы расхаживаете по дому в тяжелых башмаках, вещи разбегаются кто куда; когда же у вас войлочные шлепанцы на босу ногу, вещи выползают из углов и лупят вас почем зря. В спальню я вернулся в неважном настроении и, проигнорировав абсурдное предположение моего стража, будто бы все часы в доме сговорились против меня, полчаса ворочался в постели, пытаясь уснуть. С четырех до пяти страж будил меня каждые десять минут, и я уже пожалел, что вообще прибегнул к его услугам, а в

пять утра, утомившись, он завалился спать, препоручив дело служанке, которая и разбудила меня на полчаса позже назначенного срока.

В ту среду страж так надоел мне, что я встал в пять, лишь бы от него отвязаться. Делать было абсолютно нечего: поезд наш отходил в восемь, все вещи были упакованы и вместе с велосипедом сданы в багаж еще накануне. Тогда я поплелся в кабинет, решив поработать часок-другой, хотя столь ранний час – едва ли самое подходящее время для занятий изящной словесностью. Я исписал полстраницы и перечитал написанное. О моих опусах написано немало нелестных слов, но эти полстраницы были ниже всякой критики. Я швырнул бумагу в корзину и стал вспоминать, нет ли какого-нибудь благотворительного общества, которое выплачивало бы пособия исписавшимся авторам.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я положил в карман ключ и, выбрав путь подлиннее, поплелся на поле для гольфа. Две овцы, щипавшие травку, увязались за мной, проявляя неподдельный интерес к моим действиям. Одна из них показалась мне добродушным и симпатичным созданием. Едва ли она разбиралась в гольфе: скорее всего ей просто импонировало столь невинное развлечение в столь ранний час, – но после каждого удара бляляла: «Бра-а-а-во, са-мм-ый р-а-аз!»

Можно было подумать, что играет она сама.

Вторая же овца оказалась вздорной и сварливой. Если первая подбадривала меня, то эта всячески унижала оскорбительными репликами.

«Пло-о-о-хо, про-о-сто ужа-а-сно!» – расстраивалась она после каждого моего удара. Без ложной скромности должен сказать, что некоторые удары удались на славу, и паршивая овца издевалась над ними из чистого упрямства, лишь бы мне досадить.

Когда же, по чистой случайности, мяч угодил хорошей овечке прямо в нос, паршивая овца залилась злобным смехом, и пока ее подруга ошарашенно пялилась в землю, не понимая, что же произошло, она впервые за всю игру сделала мне комплимент: «Бра-а-а-во, отли-и-и-ично! Лу-у-у-учше-е-го у-у-д-а-а-р-а и-и-и не-е при-и-д-у-у-м-а-а-ешь!»

Много бы я дал, чтобы мяч попал в нее, а не в ее симпатичную подругу. Но так уж устроен мир: страдают всегда невинные.

На поле я пробыл дольше, чем предполагал, и когда за мной пришла Этельберта сказать, что уже половина восьмого и завтрак готов, я вспомнил, что еще не брился. Этельберта терпеть не может, когда я бреюсь наспех. Она опасается, что мой вид может навести соседей на мысль о покушении на самоубийство и по округе разнесется слух, что у нас несчастная семейная жизнь. Кроме того, она не раз намекала, что у меня не та внешность, за которой можно не следить. В принципе я был рад, что прощание с Этельбертой не затянется, ведь иногда при расставании женщины плачут. Но детям на прощание я собирался дать кое-какие наставления: в частности, чтобы они не играли моими удочками в крикет, – к тому же я терпеть не могу опаздывать на поезд. В четверти мили от станции я нагнал Джорджа и Гарриса – они тоже бежали. Пока мы с Гаррисом шли голова в голову, он успел сообщить мне, что во всем виновата новая плита. Сегодня утром решили ее наконец испытать, и, по неустановленной причине, она разметала жареные почки по всей кухне и ошпарила кухарку. Гаррис выразил надежду, что к его возвращению с плитой удастся все же найти общий язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.